

ПАРАДИГМА: КОНКРЕТНОЕ МНОЖЕСТВО

ИЛИ ЗАКОН ЕГО ОРГАНИЗАЦИИ?

Многообразие существующих в науке, в том числе и лингвистике, классификаций, их многокомпонентность «заставляет» нас задаваться вопросом о том, что же является их основой.

Классификация, являясь способом краткого изложения информации о множестве объектов, традиционно представляет собой одну из главных проблем лингвистической науки [4, с. 319-320]. Классификация позволяет в самом упрощенном виде отобразить бесконечное разнообразие реального мира. В этой связи представляется интересной для размышления проблема сущности парадигмы, парадигматических и синтагматических отношений в языке, их природы и соотношения, что, собственно, и является предметом данной статьи.

Традиционно считается, что парадигматические отношения характеризуют язык как систему знаний, то есть в целом, а синтагматические отношения – язык в его функционировании, то есть речь. При таком подходе парадигматические отношения определяют группировку слов безотносительно к их актуализации. В основе парадигматики лежит явление соответствия некоторого набора слов некоторому достаточно широкому понятию и вытекающая отсюда возможность репрезентации понятия в речи одним из этих слов. Так, любое из слов *красный, голубой, синий, желтый, зеленый, черный, белый* и т.п. может заместить позицию определения в выражении «платье...цвета». Главной операцией, которую предполагает парадигматическая группировка слов, является операция выбора подходящей лексико-семантической единицы для выполнения определенного речевого задания. Основой же синтагматики являются закономерности нормативной сочетаемости слов в речи. Синтагматические отношения определяют связь слов в пределах одного и того же речевого отрезка. Вот как выглядит эта мысль в формулировке Ф. де Соссюра: «С одной стороны, слова в речи, образуя цепь, вступают между собой в отношения, основанные на линейном характере языка, исключающем возможность произнесения двух элементов сразу... Такие сочетания, опирающиеся на протяженность, могут быть названы синтагмами... С другой стороны, вне процесса речи слова, имеющие между собой что-либо общее, ассоциируются в памяти так, что из них образуются группы, внутри которых обнаруживаются весьма разнообразные отношения». Противопоставляя парадигматические и синтагматические отношения, Ф. де Соссюр подчеркивал признак, разграничивающий эти отношения: члены синтагмы всегда даны в определенной «актуальной последовательности», тогда как «члены парадигмы могут возникать в том или ином порядке чисто случайно», «порядок их следования не фиксирован» [3, с. 155-159]. Но можем ли мы с этим согласиться?

Различение парадигматических и синтагматических отношений между словами находит подтверждение в психологии и, в частности, в учении об ассоциациях. Ассоциации являются одним из основных механизмов памяти. В определенном смысле их можно назвать естественными классификаторами понятийного содержания лексики языка. Представления и понятия, которыми располагает память человека, связаны между собой. Эта связь основана на прошлом опыте человека и, в конечном счете, с большей или меньшей степенью точности воспроизводит объективно существующую зависимость между явлениями реального мира. При определенных условиях оживление одного представления или понятия сопровождается оживлением других, соотносящихся с ним. Это явление получило название ассоциации (термин предложен в XVIII в. Локком). По И. П. Павлову, ассоциация есть не что иное, как временная нервная связь, возникающая при определенных условиях. Поскольку ассоциации отражают некоторые существенные связи между объектами и явлениями реального мира, а следовательно, и между понятиями, законно сделать вывод, что они играют важную роль в строении лексической системы языка. На это указывал еще Н. В. Крушевский: *«Всякое слово связано с другими словами узлами ассоциации по сходству; это сходство будет не только внешнее, т. е. звуковое или структурное, морфологическое, но и внутреннее, семасиологическое. Или другими словами: всякое слово способно, вследствие особого психического закона, и возбуждать в нашем духе другие слова, с которыми оно сходно,*

и возбуждаться этими словами... Если, вследствие закона ассоциации по сходству слова должны укладываться в нашем уме в системы или гнезда, то благодаря закону ассоциации по смежности, те же слова должны строиться в ряды. Итак, каждое слово связано двойкою рода узлами: бесчисленными связями сходства со своими родичами по звукам, структуре или значению и столь же бесчисленными связями смежности с разными своими спутниками во всевозможных фразах: оно всегда член известных гнезд или систем слов и в то же время член известных рядов слов...»

Проводящиеся в последние годы интенсивные исследования в области так называемого ассоциативного эксперимента убедительно подтвердили правильность высказанных выше мыслей. Психологические ассоциативные эксперименты показывают, что члены ассоциативного ряда всегда возникают не в случайной, а в более или менее закономерной последовательности, независимо от того, образуют ли они т.н. синтагматические (типа **небо – голубое**) или т.н. парадигматические (типа **стол – стул**) ассоциации [1, с. 127]. Ассоциативные (парадигматические) группы слов оказываются не безразличными к порядку распределения своих членов. Этот порядок близок к синтагматическому распределению слов в речевом потоке. Не является ли это свидетельством того, что противопоставление синтагматических и парадигматических отношений имеет условный характер и что «т.н. парадигматика есть не что иное, как «неявная» синтагматика?» [1, с. 128]. В речи в равной степени представлены и т.н. синтагматические, и т.н. парадигматические отношения слов. В действии, в актуализации парадигматические отношения не отличаются от синтагматических, потому что в обоих случаях имеет место неслучайный переход от одной единицы к другой, что делает отношение между этими единицами неравноправным.

Термин **парадигма** в лингвистической науке определяется двойкою. В первом толковании парадигма понимается как «пример», «модель» действия, как правило образования чего-либо. Второе понимание парадигмы подразумевает то, что должно получиться, и, шире, что может получиться при использовании определенного правила или совокупности правил [1, с. 132]. Второе понимание парадигмы связано с первым и производно от него. Одинаковые или сходные функциональные характеристики форм, входящих в состав парадигмы, их конкретное употребление определяются тем, что члены парадигмы получены по общему правилу, а не тем, что эти формы внешне чем-то похожи друг на друга. К примеру, мы имеем какую-то парадигму и не знаем правила ее образования, в соответствии с которым объединены ее элементы. Мы практически ничего не можем сказать об этой парадигме, вернее, об однородности/неоднородности составляющих ее элементов. Пример М.Н.Правдина демонстрирует справедливость этого утверждения. Вниманию читающего предлагается парадигма, объединяющая следующие слова: *делить, все, работать, не уметь, жить, читать, знать, играть, многое, умелый, думать, мастер, задача, отвечаем, правильно, списывать, танцы, бороться, быстрота, ваши, варить, вещь, в институте, вода, ворота, детали машин, кино, мотоцикл, нет, нужно, октябрь, паяльник, поток, рука, руки, там же, трус, фотографировать...* Что мы можем сказать о том, что же общего в элементах такой парадигмы и как следует актуализировать элементы такой совокупности? Ровным счетом ничего мы не знаем о правиле, по которому собраны элементы данной парадигмы, и собрание элементов, следовательно, нам кажется совершенно произвольным. Но на самом деле элементы данной парадигмы получены от одного и того же общего элемента и по одному и тому же правилу: все словесные формы являются ассоциативными реакциями на один и тот же стимул **уметь** [2, с. 179-180]. Из примера ясно, что одна парадигма может быть получена на основе разных правил. Так, среди ассоциатов данной парадигмы есть такие, которые связывают с понятием синтагматической ассоциации (уметь – работать, уметь – многое и т.п.), а также такие, которые обычно связывают с понятием парадигматической ассоциации (уметь – умелый, уметь – мастер и т.п.). Но есть и такие, которые трудно связать с одной из двух ассоциаций (уметь – отвечаем, уметь – там же и т.п.). М.Н.Правдин отмечает, что среди членов парадигмы имеются такие, которые составляют вместе также и другие парадигмы (делать, работать, читать, играть и т.д.), а любой из членов представленной парадигмы может входить в состав других парадигм. Из сказанного можно сделать вывод о том, что сама по себе парадигма не определяет функционирования и

употребления своих членов.

Почему же тогда считается, что парадигматические отношения определяют синтагматические отношения? Видимо, потому что правило, по которому объединяются члены парадигмы, является правилом, по которому строятся соответствующие синтагмы. И действительно, именно в процессе конструирования соответствующих синтагм (уметь делать, уметь все, уметь работать...) мы на один и то же словесный стимул **уметь** получаем различные словесные реакции (делать, все, работать...). М.Н.Правдин представляет парадигму как собрание, совокупность синтагм, построенных по некоторому общему правилу. Это правило представляется как лежащее в основе парадигмы, а парадигма – как собрание синтагм, построенных по этому правилу.

М.Н.Правдин проблему парадигматики и синтагматики рассматривает в контексте своих общих представлений об абстрактном и конкретном. Поскольку парадигма представляет собой не конкретное множество, а закон образования этого множества, т.е. абстрактное правило, а не совокупность единиц, возникает необходимость определить происхождение этого закона. М.Н.Правдин считал, что одним из путей образования парадигмы является усечение постоянного (повторяющегося) члена синтагмы. Так же, как и в грамматике: например, образование парадигмы окончаний связано с усечением повторяющейся основы:

Вод-а

Вод-ы

Вод-е

Следовательно, рассуждения о противопоставлении синтагматики парадигматике вряд ли будут убедительными вне анализа категорий абстрактного и конкретного.

В лингвистике противопоставление синтагматики парадигматике является устоявшимся, более или менее общепринятым. Чтобы оспорить его, необходим системный анализ явления. Традиционно, считается, что понятие – это совокупность существенных признаков класса явлений действительности. Парадигма в этом случае – это совокупность слов, связанных общими признаками значения. М.Н.Правдин ушел, во-первых, от признакового понимания значения, т.е. от статики, понимая язык как деятельность, во-вторых, от понимания значения как непосредственного отражения внешнего мира, разделив языковую и мыслительную системы и показав связь между ними. Причем в основе системы лежит не сходство конкретных признаков, а абстрактное правило, закон перехода от одного элемента к множеству других элементов, т.е. закон порождения системы. В самом множестве этот закон не заложен.

Литература

1. Правдин М.Н. Проблема абстрактного и конкретного в мышлении и языке. – М., 1991.
2. Словарь ассоциативных норм русского языка. – М., 1977.
3. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. – В кн.: Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – М., 1977.
4. Шайкевич А.Я. Гипотезы о естественных классах и возможность количественной таксономии в лингвистике. В кн.: Гипотеза в современной лингвистике. – М., 1980.